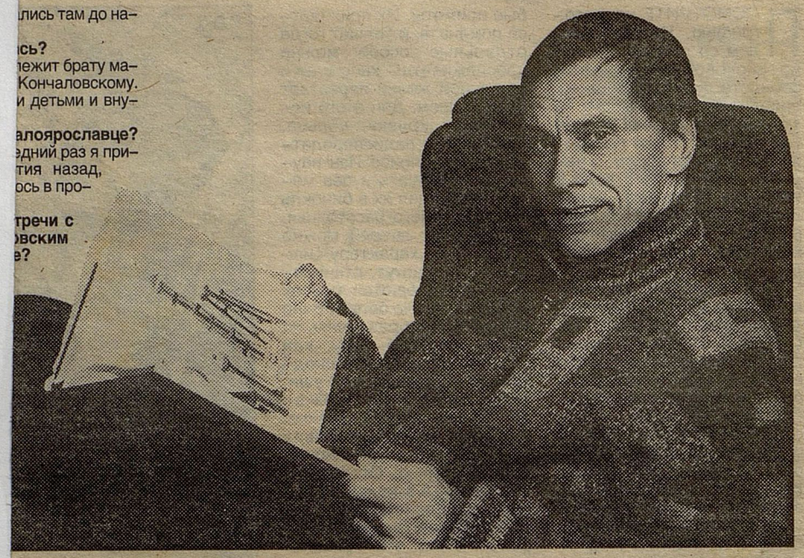
КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА!
11 АВГУСТА, 95



Кончаловский вернулся в Россию

авда.-1995.-11 авг.-с.14.

НАЗАД, А РОДНАЯ СТРАНА ДО СИХ ПОР НЕ МОЖЕТ ПОВЕРИТЬ, ЧТО ЭТО ВСЕРЬЕЗ

лись там до на-

ись?

ежит брату ма-
Кончаловскому.
и детьми и вну-

алоярославце?

едний раз я при-
тия назад,
ось в про-

тречи с
овским
е?

падаете чувством
еофилович, тогда
атории, приезжал
помню, Рихтер лю-
ать к нам. Рыжий,
сеющий...
нам ходил Сергей
авьте на секундоч-

о островок старой
хранившийся в той
стране. Не забывай-
оды, и тем не менее
ным образом сбе-
старой России. На
и свои лошади, ко-
те, у Пастернака:
на дворе"? Это про
ался поменьше со-
жающей действи-
не было электриче-
и провести, дед ни-
дио, не читал газет.
ить в собственном
ю сирень.
и иначе?
л в советскую шко-

лу, носил красный галстук, учил стихи про мудрого Сталина.

– Петра Петровича это волновало?

– Мы не знали, что он думает о политике, о происходящем в стране. На такие темы он никогда при нас не говорил. Конечно, в дедовом окружении находились люди, которые не без злости и ехидства рассказывали о том, как тогдашний секретарь Союза художников Герасимов играл с Ворошиловым в бильярд и специально поддавался, а потом залезал под стол и лаял оттуда по-собачьи. Этими рассказами о самоунижении главного дедова врага, очевидно, пытались морально поддержать Петра Петровича, но дед никогда не выказывал злорадства, хотя основания для обиды у него были. Году, кажется, в 37-м году дед отказался писать портрет Сталина и из-за этого надолго попал в опалу. Собственно, он даже не отказался, а поставил условие: "Если Сталин будет позировать, то я напишу". Это расценили как наглость: "Чтобы Иосиф Виссарионович при своей занятости по шесть часов позировал художнику? Рисуйте, как все, – по фотографии". Дед возразил, что он реалист и живописец, поэтому... Поэтому до смерти Сталина ни одной персональной выставки Петра Кончаловского не было.

КОРНИ

– Вы не испытывали в детстве дискомфорта: с одной стороны – аполитичный дед, с другой – отец, сочинивший советский гимн?

– Знаете, не испытывал. Скорее я испытываю раздражение сегодня – от навязчивого желания столкнуть меня с прошлым. Вижу в этом гримасы российской, нет, советской ментальности: в ухо Сидору, в ноги Якову. У нас либо обожают и боготворят, либо уничтожают. К сожалению, Россия не признает полутонов, не чувствует меры. Посмотрите: Горького сегодня неохотно изучают в школах. Неужели "Песнь о Буревестнике" перестала быть талантливым произведением из-за того, что изменилось отношение к ее автору? А как вам нравится то, что диктор, объявляя по радио "Лунную сонату" Бетховена, извиняется за то, что это произведение любил Владимир Ленин? Абсурд! До чего же мы все-таки идолопоклонники! Я еще помню время, когда все эмигранты в России считались изменниками Родины, людьми исключительно недостойными. Поэтому теплых слов не удостаивались ни Шаляпин, ни Рахманинов, ни Набоков, ни Бунин. Теперь же залетная птица готова учить нас жить, а мы слушаем с открытыми ртами. Замечательная наша писательница, кстати, эмигрантка, написавшая книгу "Курсив мой", сказала... как же ее фамилия? Сейчас вспомню.

– Берберова?

– Да, Берберова! У нее есть прекрасное высказывание о нашей ментальности. Берберова говорила, что у каждой нации должна существовать всеми принимаемая мера, некое мерило. Например, у китайцев это шу. А у русских нет того, что могло бы всех объединить.

– Почему же? Ненависть и нетерпимость вполне заменят нам китайское шу.

– Пожалуй. К сожалению, не обладаем мы искусством компромисса. Для нас это что-то гадкое, признак слабости. А между тем умение пойти на разумные взаимные уступки – это основа мира. Кстати, компромисс был и творческой основой Ренессанса. А терпимость к противным религиям началась тогда, когда инквизиция перестала жечь на кострах еретиков. У нас же даже священнослужители не знают чувства снисхождения и милосердия. Сколько лет православную церковь гноила Советская власть, сейчас она только-только начинает подниматься с колен, радоваться бы, а вместо этого наши святые отцы заговорили о борьбе с Ватиканом. Всюду им чудится католицизация нашего общества, происки посланцев папы римского. Как же можно? Неужели и Христа не хватает на всех?

Быть бы чуть-чуть терпимее... Я православный человек, но не могу разделить отношение русской церкви к театру, считающей его языческим грехом. А куда, скажите мне, девать великих наших артистов прошлого и настоящего? Неужели все они в ад пойдут?

Надежды на то, что в XXI веке восторжествуют миротворческие начала, слабы, но есть.

Кстати, я считаю, что XXI век уже идет. И начался он с... Хомейни. Под его предводительством случилась религиозная революция, которая, во-первых, привела к падению правящего режима в одной из крупных азиатских стран, во-вторых, обострила противостояние между миром мусульманским и иудохристианским. Это сигнал. Если мы не сможем найти компромиссы между религиозными мировоззрениями, то всех нас ожидает трагедия Югославии, спроецированная на планетарный масштаб.

Нет, я не против ислама, это великая религия, но и в ней заложена та самая непримиримость. В этом смысле мы, россияне, истинные потомки Византии. Мы страстно нетерпимы, поскольку православная бескомпромиссность приумножена живущими в нас мусульманскими традициями.

КОМПРОМИССЫ

– Ну а вы лично, Андрей Сергеевич, склонны к поиску взаимоприемлемых решений? Михалков через дефис Кончаловский – это ли не ваш компромисс, примиряющий отца и деда?

– Когда я был молодым, то вообще по дурости взял фамилию Безухов.

– Почему вдруг Безухов?

– Придумал такой творческий псевдоним. Я даже под написанным вместе с Андреем Тарковским сценарием фильма "Антарктида – далекая страна" поставил подпись Безухов. Наивный ребенок! "Московский комсомолец" тогда напечатал отрывки из сценария. Как сейчас помню, я ходил страшно гордый. Еще бы: студент ВГИКа, а уже печатаюсь в периодике. Это была моя первая публикация...

– Вы и имя тогда сменили?

– Нет, все-таки хватило ума Андреем остаться. Почему Безухов? В то время Бондарчук пробовал меня на роль Пьера в "Войне и мире". Я был толстый, носил очки...

– Вы – толстый?

– Да, весил сто кило. Это после консерватории.

– Вели сидячий образ жизни?

– Все-таки игра на рояле предполагает некую статичность позы. Прибавьте к этому большое количество пожираемых мною шашлыков и поймете, отчего я располнел.

– А шашлыки откуда?

– Рядом с консерваторией была знаменитая шашлычная на Никитских – в кинотеатре повторного фильма. По дороге на занятия мы завтракали, а на обратном пути к еде добавлялась выпивка, мы не только закусывали, но и выпивали. Да, много денег оставил я в том месте. Хорошая была шашлычная, между прочим. Когда же это все происходило? Сейчас посчитаю. В самом конце 50-х... Почти сорок лет назад – кошмар! Время как летит, а?

Возвращаясь же к Безухову, скажу, что я недолго под этим именем прощеголял. Потом стал Михалковым-Кончаловским, хотя по советскому, пардон, российскому паспорту я до сих пор Михалков.

– А какой у вас еще паспорт есть?

– Еще я имею французское гражданство.

Что же касается Сергея Владимировича Михалкова, то я отношусь к нему не только как к отцу, которого я обязан по-сыновнему любить (я вам говорил, что мы, русские, – византийцы, у которых любовь к старшим очень развита), но и как к замечательному детскому поэту, как к личности. Басни и детская поэзия Михалкова – это классика.

БРАТ

– Интересно, а по отношению к Никите Сергеевичу вы по-прежнему ощущаете себя старшим братом?

– Нет. Вы знаете, иногда это возникает, но... Никита выше меня, тяжелее, так что...

– Выше, тяжелее – это вы о физическом состоянии?

– Во всех смыслах. Он и деятель политический, и обладатель американского "Оскара", и здоровье у него покрепче, и в теннис он играет лучше, и кино снимает замечательное. Даже усы у него гуще!

– Вы легко отдаете брату первенство?

– С удовольствием. Для России Никита в определенном смысле национальный герой, богатырь. Я же стою как-то особняком. Скажем, меня никогда не хватало на политику, поскольку я гораздо более эгоистичен как личность. Я помню замечательные слова философа Ильина о том, что политика неразрывно связана со смертью. Я не готов умирать за идею – даже самую прекрасную, поэтому и не чувствую в себе силы заниматься политикой. Никита, наверное, семижильный, что ж, дай Бог ему здоровья.

В творчестве же мы с Никитой не соперники. К счастью, кино отличается от спорта. Это там достаточно поднять больший вес или первым пересечь финишную черту, чтобы быть провозглашенным чемпионом. В творчестве критерии гораздо более размыты. Совершенство недостижимо, поэтому у каждого свое понимание степени приближения к истине.

– Но на своих внутренних весах вы наверняка взвешиваете сделанное вами и братом. Конечно, это не спорт, однако чья чаша, по-вашему, перевешивает?

– Безусловно, элемент соревнования присутствует, но поскольку мы с Никитой выражаем в творчестве диаметрально противоположные точки зрения относительно России, то нам как бы и делить нечего. Я согласен с Замятиным, говорившим, что только хлыст может поднять раба с колен, что России грозит участь вечно храпеть под стеганым одеялом мещанства. Жестокие выражения? Но справедливые. Для меня "Горе от ума" – произведение о русской слепоте и дремучести, о нежелании себя познать. Я понимаю Гоголя, который сокрушался из-за того, что "Ревизора" никто не оценил так, как хотел автор. Я за суровую правду.

Никита исповедует другие принципы. Его интеллектуальный романтизм мне в некотором смысле даже претит. Никита хочет дарить идеалы, предпочитает говорить о прекрасном, нежели трезво смотреть на вещи и признавать, что реальность не соответствует желаемому. Славянофилам свойственно подгонять существующую реальность под рамки своих идеологий. Впрочем, догадываюсь, это свойственно не только славянофилам. Наверное, и я не безгрешен, но...

Мы очень разные с Никитой. Зачем нас сравнивать? Кто лучше – Прокофьев или Скрябин? Нас ставят рядом только потому, что мы братья. Не повезло нам в этом. Не будь мы оба Михалковы, никому и в голову не пришло бы проводить параллели между нами, как никто не пытается сравнить Говорухина, Тарковского, Шепитько или Климова.

Оставьте эти попытки мерить нас одним аршином: в творчестве мы две совершенно самостоятельные единицы!

– А в жизни?

– В жизни мы – братья. Как и полагается, любим друг друга, встречаемся, общаемся. Больше скажу: мы – клан. Я могу быть внутренне не согласен с Никитой, но всегда подпишусь под всем, что он скажет, всегда приму в споре его сторону. Это мой брат!

– Вы работы друг друга смотрите?

– Иногда. Правда, "Утомленные солнцем" я увидел довольно поздно – все как-то не получалось. А "Курочку Рябу" Никита, возможно, не посмотрел до сей поры – думаю, боится, что картина ему не понравится. Врать мне он не сможет, а огорчать отрицательной оценкой тоже не хочет, меня бережет... Впрочем, это все мои предположения.

ОТЕЦ

– Мне доводилось бывать в доме у вашего отца. Хорошая большая квартира, добротная мебель, но какой же там царит беспорядок! В одной из комнат течет потолок, всюду лежит пыль в два пальца толщиной. Впечатление, что пол не мылся несколько месяцев. Признаюсь, меня резануло: и это-то при двух живых – и таких! – сыновьях...

– А вы отца не спросили, отчего все это?

– Спрашивал.

– И что он вам ответил?

– Сергей Владимирович стал вас, своих сыновей, защищать: мол, мне так нравится жить.

– При чем тут защита? Отца действительно устраивает такое существование. Знаете, это возраст. Вы еще молодой, поэтому не понимаете, что возраст начинает ощущаться тогда, когда ничего не хочется менять. Пока человек стремится стать лучше, сильнее или богаче, он еще не стар, когда же готов на все махнуть рукой, поделать уже ничего нельзя – все, финиш. Отец ничего не хочет менять! Он не дает снять висящую на каком-то ржавом гвозде рубашку и отдать ее в стирку. Пусть висит! Я это не только за отцом замечал: есть люди, которые так стареют.

Знаете, сколько раз мы с Никитой предлагали отцу: давай наведем здесь порядок, повыкидываем хлам, купим новую мебель. Нет! Отказывается. Я как-то не выдержал, говорю: "Ты бы хоть ввинтил в уборной лампочку поярче. У тебя же там, как в общественном туалете". А мне в ответ: "Андрей, ничего не смей трогать, все х-х-харашо!" Что тут поделаешь? Пусть живет, как знает.

– Сергей Владимирович обретается на даче у Никиты Сергеевича?

– Он живет один, а на дачу приезжает выпить и поесть. Отец одинок, как старый лось. Он никого к себе близко не подпускает.

ДЕТИ

– Одними мосфильмовскими коридорами с вами ходит ваш сын. Почему вы не привлекаете его к совместной работе?

– Я готов это сделать, но Егор наслаждается собственной свободой, он боится давления отца. Я и не давлю. У сына собственная компания, он снимает какие-то клипы. Пусть работает. Понимаете, сейчас в России есть пространство, каждый может реализовать себя в полной мере. Хочешь – снимай кино, хочешь – галоши делай. Какая, если задуматься, почетная работа – обуть людей в галоши. Не улыбайтесь, я всерьез над этим размышляю. Представьте: семь месяцев в году у нас грязь, слякоть и прочая мокрота. Я, например, всегда хожу в галошах. И ноги сухие, и чистота. Видите, вот мои галоши у двери стоят? В этой стране галоши – это великая идея. С американцами на паях надо будет построить завод.

– До галош, насколько я знаю, дело пока не дошло, но рекламные клипы вы уже снимаете?

– Главное, конечно, это проекты художественных фильмов, а реклама – это для поддержания штанов и удовольствия ради. У меня ведь собственная кинокомпания "Русская рулетка", которая финансирует развитие в нашей стране самых современных способов кинопроизводства – компьютерные графика и монтаж, цифровое озвучание. Я покупаю технику за свои деньги, инвестирую, поскольку хочу, чтобы и у нас все было на уровне мировых стандартов.

– И рекламу снимаете по последнему слову техники?

– Конечно. В рекламных клипах очень многому можно научиться. Это очень элегантная форма. Скажем, я считаю блистательной рекламу "МММ", а Леню Голубкова отношу к гениальным изобретениям Мавроди. Но я снимаю другую рекламу – дорогую, не вполне отвечающую русской ментальности.

– Слышал, вы и меньших своих детей к кино приобщаете?

– Нет. Самую младшую, Лену, я снял в клипе исключительно из-за симпатичной наружности, а так, чтобы тянуть в кино, этого нет. Я не хотел, чтобы и сын шел в кинематограф. Я бы предпочел видеть его философом. Сын ведь закончил в Кембридже философский факультет по специальности «история искусств». Я думал послать Егора в Голливуд, но он предпочел сразу окунуться в российскую жизнь, создал свою компанию.

– Средняя дочь у вас француженка, а у Егора и младших дочерей российское гражданство?

– Сейчас и с российским паспортом жить неплохо. Если достаточно образования и денег, то везде открыта дорога.

ГАЛОШИ

– Андрей Сергеевич, вы так серьезно агитировали за массовое производство галош, что я почти поверил в вашу готовность изменить кинематографу.

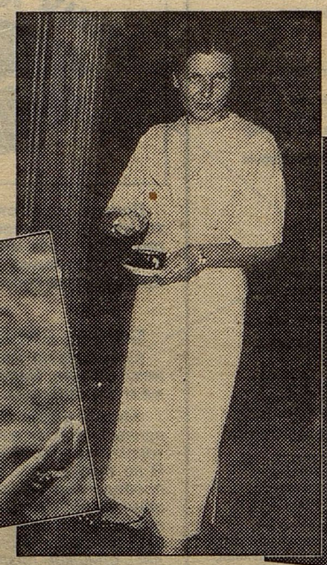
– Почему бы и нет? Если мне суждено будет уйти из режиссеров, то я, возможно, подамся или в кинопродюсеры, или в галошники.

– Пока окончательный выбор не сделали?

– Как говорят американцы, фифти-фифти.

Андрей ВАНДЕНКО.

Фото из архивов Андрея Кончаловского и "КП", а также журнала "Домовой".



Женщины в жизни Кончаловского (слева направо): Наталья Аринбасарова, Ирина Мартынова (ныне жена), Ширли Маклейн, Елена Коренева.